КУДА НЕ ДОЛЕТАЮТ ЧАЙКИ

МАЙЯ ТАЛАЯ

18+

Майя Талая

Куда не долетают чайки

«Автор»
2026

Талая М.

Куда не долетают чайки / М. Талая — «Автор», 2026

Вера мечтала преподавать литературу, а получила кабинет с голыми стенами, выпускную группу сварщиков и напутствие: держитесь.Теперь ей предстоит обсуждать с ребятами нигилизм Базарова и объяснять, почему отрицание авторитетов не освобождает от зачёта. А ещё — искать пропавших студентов, звонить родителям и учиться помогать тем, кто пока не собирался просить о помощи. Постепенно за фамилиями в списке появляются люди — упрямые, смешные, ранимые. И Вера переживает не только за их оценки, но и за то, как сложится их жизнь.А потом появляется Артём — студент, рядом с которым всё труднее оставаться только Верой Михайловной.Один учебный год в провинциальном техникуме. Работа, которая увлекает сильнее, чем обещала. И чувство, которому невозможно отвести место в расписании.

© Талая М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Другой берег» 5
Глава 2 11

Майя Талая
Куда не долетают чайки

Глава 1. «Другой берег»

26 августа, к полудню, Вера сидела одна в пустом кабинете, который с этого дня стал её, и читала чат 209-й группы, которая с этого дня тоже стала её.

В кабинете было так тихо, словно за дверью не было ни коридора, ни людей. А в телефоне стоял сплошной лай. Всё, что Вера знала о брани, помещалось в пару слов. Тут этих слов было на словарь. Она привыкла, что словом можно объяснить, утешить, рассмешить. А тут им били, как кастетом, — через строчку, без передышки. Читала — и не верила глазам; оторопь брала, в жар кидало, будто это её саму при всех, прилюдно, хлещут. И ведь ни к кому в лицо — так, в воздух, всем скопом, будто её тут и нет: будто про неё, а не с ней.

А ведь с утра всё было светло.

Этой даты Вера ждала всё лето, глядела на неё, будто на другой берег: доплыть бы. И доплыла.

Идти было и радостно, и зябко разом. Радостно — что своё, выбранное; зябко — что впервые.

Техникум обступил её сразу, с первого шага. Не школа, не домик — целый завод под ученье: длинные кирпичные корпуса этажа в четыре лепились друг к другу боками, перетекали один в другой переходами, и не понять было, где кончается один и начинается следующий. Кирпич где бурый, потемневший, где посветлее, песочный — латали не одно десятилетие, каждый корпус в свой срок. А окон было не счесть, ряд над рядом, и за каждым — свой кабинет, свой предмет, свой преподаватель.

Двор перед корпусами прибрали к сроку — асфальт подметён, трава по краям скошена: 1 сентября на носу, ждали. Кругом стояли тополя и берёзы, уже тронутые желтизной, роняли на асфальт первый лист: конец августа, а осень тут начала своё раньше срока. За крышами дымили вдалеке заводские трубы, зеленел куполок церковки, а меж домов, посреди самого города, светлел пруд. Старый работящий город открывался весь разом — и техникум сидел в нём как свой, обжитой, огромный.

И стояла посреди всего этого Вера — маленькая, в новых чёрных лоферах, с новой чёрной сумкой на плече — и думала: ну вот он, берег. Большой, однако. Как бы не потонуть у самой суши.

Начальство сидело в первом корпусе, в учебной части. Замы, методист, а в конце коридора — приёмная директора; всё рядом, дверь в дверь. Сюда Вера и пришла первым делом — к Софье Геннадьевне, заму по учебной работе.

Софья Геннадьевна оказалась сухой и быстрой женщиной, из тех, что глядят не на тебя, а сквозь, поверх плеча, — на неотложные свои дела. Веру приняла коротко, без лишних слов, и повела знакомить: пойдёмте, разом всех и обойдём, чтобы потом не искать.

Обход занял десять минут.

Софья Геннадьевна постучала в дверь кабинета зама по учебно-воспитательной работе и открыла её. Олеся Леонидовна разбирала шкаф с папками. Услышав, что пришли знакомиться, отложила папку и повернулась к ним. Софья Геннадьевна представила Веру.

— Очень приятно, Вера Михайловна. После обхода загляните ко мне.

Сказала, глядя прямо в глаза, так приветливо, что Вера улыбнулась в ответ.

В коридоре им навстречу вышла женщина с бумагами. Софья Геннадьевна остановилась.

— Анна Александровна, познакомьтесь: Вера Михайловна, наш новый куратор 209-й группы.

И повернулась к Вере:

— Анна Александровна Карбышева, заместитель директора по учебно-производственной работе.

Бумаги в руках Анны Александровны остановились.

— 209-я, — повторила она. — Ну, держитесь.

— А что с ними?

— Да ничего с ними. Ребята как ребята. — Анна Александровна уже шла дальше и договаривала через плечо, роняя слова, как мелочь. — Сварщики, выпускная группа, парни взрослые… Я бы, конечно, не позавидовала. Да это пусть вам мастер про них рассказывает, он их с первого курса ведёт. К мастеру идите, к мастеру.

Анна Александровна скрылась за дверью. Софья Геннадьевна повела Веру дальше, но брошенное ну, держитесь осталось с ней, как чужой свёрток, сунутый в руки.

Вера нахмурилась. Группу она ещё не видела, а ей уже пожелали держаться. Лучше бы объяснили, в чём дело.

Дверь кабинета методиста была открыта. Ольга Николаевна сидела рядом с коллегой перед монитором. Та показывала на строку в таблице, а Морозова сверялась с записями на листке. Софья Геннадьевна вошла и представила Веру. Методист придержала пальцем нужное место на бумаге, подняла глаза и кивнула:

— Планирование у меня получите. Зайдите после обхода, объясню, с чего начать.

И повернула лист к коллеге:

— Вот эти часы мы ещё не учли.

В приёмной секретарь раскладывала документы на подпись. Софья Геннадьевна познакомила Веру с Леночкой и указала на притворённую дверь директорского кабинета: «Директора нет, на выезде. А печать понадобится — это сюда».

Так Веру за десять минут представили всем, и все до одного оказались заняты. Ей кивали, улыбались и просили зайти позже — будто она в этих стенах давно работала и просто некстати заглянула.

Софья Геннадьевна сказала:

— За вами Ирина Андреевна зайдёт — я её попрошу, проводит вас в мастерские, к мастеру.

— Софья Геннадьевна, а что всё-таки с 209-й?

— А что с ней? — Софья Геннадьевна отвечала на ходу. Невысокая, на невысокой шпильке, она двигалась быстро и элегантно. — Группа как группа. Куратор у них сменился, только и всего. Привыкнут. И вы привыкнете.

И больше ни слова. Каблуки, впрочем, молчать не собирались.

В кабинет Софья Геннадьевна повела Веру сама — через весь техникум, корпус за корпусом, по дороге коротко объясняя, где что находится. Второй корпус прошли насквозь; у одной двери задержалась: «Вот тут операторы, кабинет 203/2. Ноутбук рабочий получите здесь, зайдёте после». А Верин кабинет был дальше, в третьем корпусе, — туда ещё шагать через два перехода. Дальше Софья Геннадьевна показывала на ходу: а вон, в четвёртом, и актовый зал, и столовая. Вера старалась запомнить всё. Анна Александровна — по учебно-производственной работе. Ольга Николаевна — методист, Олеся Леонидовна — по учебно-воспитательной работе. К обеим зайти после обхода. Печать — в приёмной. Ещё ноутбук у операторов, кабинет 203/2.

Дошли. Кабинет 24/3. Софья Геннадьевна отперла дверь своим ключом, и они вошли.

Стояло в кабинете всё, чему положено: парты рядами, шкаф у стены, учительский стол со стулом, зелёная меловая доска, проектор под потолком. Мебель казённая, инвентарная, с

номерком на боку — та, что переживает любого, кто ею пользовался. От прежней хозяйки осталось лишь то, что не значится по описи: на стенах выгоревшие прямоугольники и дырки от гвоздей, разметка чужого, давно снятого порядка.

Софья Геннадьевна сама обходила и проверяла все кабинеты и знала, что Вере достался не лучший. Но виду не подала — обвела рукой голые стены весело, будто показывала не пустоту, а простор: «Ну, обживайтесь, Вера Михайловна!» Подошла к окну, кивнула вниз: «Да вам и бегать недалеко — мастерские вон они, прямо под окнами». Софья Геннадьевна вручила Вере ключ, напомнила, что за ней зайдёт Ирина Андреевна, и заторопилась к своим делам. На этом передача кабинета закончилась. Можно было обживаться.

Оставшись одна, Вера прошла между парт, тронула ладонью прохладную доску, села за учительский стол — первый свой учительский стол. И замерла. Потом откинулась на спинку стула, вытянула ноги под столом. Вот оно, её место. Для начала новой жизни всё выглядело слишком буднично: ни алых парусов, ни обещаний попутного ветра — даже ленточки поперёк двери не было. Только казённый стол с инвентарным номером. Вера улыбнулась: пусть без чуда — зато этот стол был её.

Потом поднялась и открыла шкаф — поглядеть, что ей досталось. Нижние полки были пусты и вымыты. В шкафу стоял затхлый запах; а на самом верху, куда не дотянулась ничья опись, стояла жестяная коробка из-под печенья. Вера взяла её и открыла. Внутри лежали высохшие фломастеры, моток бечёвки, пачка нераспечатанных открыток ко Дню учителя, перехваченная резинкой, и десяток фотографий: ребята в робах на фоне этих самых корпусов, а посередине женщина в жёлтой кофте, немолодая, смеётся, и её с двух сторон держат за плечи.

Вера задержалась над снимком. Ребята стояли тесно, никто не смотрел в сторону и не улыбался из вежливости. Женщина не возвышалась над ними и не терялась среди них — просто занимала своё место, давно и без доказательств. Так стоят рядом не ради фотографии, а потому, что привыкли быть рядом.

Вера провела пальцем по краю фотографии.

Она попробовала представить, что однажды ученики так же встанут рядом с ней. Представила — и смутилась, словно заранее примерила благодарность, которой ещё не заслужила. Ей хотелось не только научить их и довести до диплома. Хотелось, чтобы ждали именно её. Ещё ни одного урока не провела, а уже хочется, чтобы без неё скучали.

Вера закрыла коробку, потом снова открыла, переложила фотографию поверх остальных вещей и поставила коробку обратно на шкаф.

И само собой размечталось. Как встанет она у этой доски, как рассядутся по местам ребята, как поведёт она первый свой урок... Учить она хотела всегда — тайно, робко, — но всё не решалась: казалось, не справится. Вера с юности любила те старые фильмы про школу — где к последнему кадру и отпетый двоечник оттаивал. И вот теперь ей самой выпало войти в такой фильм — встать у доски.

Большие окна во всю стену выходили на юг. С утра было пасмурно, но теперь ненадолго выглянуло солнце; свет лежал на партах, на доске, тянулся тёплой полосой через весь пол к её столу. Сидела Вера в этом свете и грелась, и светилась сама, и мечталось легко: перед глазами стоял уже не пустой класс — полный, её.

Вера поднялась — окрылённая, с ключом в кулаке — и пошла назад, в учебную часть.

Олеся Леонидовна достала из шкафа готовый педдневник, протянула Вере, ввела её в свой чат по воспитательной работе. Добавила и в родительский чат, и в студенческий — 209-й. А после, помягче, и о самой группе:

— Вы только не ждите, что они сразу к вам потянутся, Вера Михайловна. Дайте им время.

— Мне бы сначала понять, как с ними заговорить, — призналась Вера.

— Познакомитесь — станет понятнее, — сказала Олеся Леонидовна.

Вера кивнула. Легко сказать — познакомитесь. Она уже представляла, как войдёт в кабинет, назовёт себя, а дальше почему-то ничего не придумывалось.

Оттуда она завернула к Ольге Николаевне, к методисту, к Морозовой. Та дала старое календарно-тематическое планирование: держите пока, работайте по нему, не надо сгоряча изобретать велосипед. К концу сентября, предупредила она, нужно будет составить новое. «А как пройдёт педсовет — подойдёте ко мне, я вам всё и растолкую, что да как». А напоследок — к операторам, за ноутбуком: тяжёлый, казённый, в чужих наклейках.

Всё это — педдневник, папки, ноутбук — она понесла к себе, в третий корпус. Несла коридором, прижав к груди, — руки оттягивало. А по сторонам, за приоткрытыми дверями, никто никуда не спешил. За одной смеялись; за другой звякала ложечка о стекло, тянуло крепким чаем и чем-то печёным, домашним; голоса переговаривались вполголоса, лениво, по-августовски.

У одной двери Вера замедлила шаг. Можно было заглянуть, представиться, попросить немного кипятку. Ничего особенного. Но люди за дверью засмеялись ещё до конца чьей-то фразы — видно, знали и рассказчика, и историю, и то, чем она закончится. Ей показалось, что своим появлением она спугнёт этот разговор. Вера осторожно прошла мимо, словно сапёр мимо спящей мины.

Утром весь техникум был новым и потому как будто общим. Теперь оказалось, что новая здесь только она. У остальных уже были свои кружки, знакомые голоса, места за столом, прошлые выпускники и истории, над которыми можно смеяться с середины. У Веры пока были тяжёлый ноутбук, стопка казённых папок и ключ от кабинета, где даже жестяная коробка на верхней полке принадлежала не ей.

Вера перехватила папки удобнее и впервые за это утро не стала убеждать себя, что всё происходит именно так, как она хотела. Хотела она другого: войти — и сразу оказаться на своём месте. Будто стоило получить ключ, и всё остальное устроилось бы само. А теперь не понимала, сколько времени нужно, чтобы почувствовать себя здесь своей.

Свалила всё на голый стол, села разгребать. И тут заметила, что телефон давно надрывается — сообщение за сообщением, без передышки. Открыла — и ахнула: четыре чата разом, и в каждом по два десятка непрочитанных, а то и больше. Гудели все сразу, будто её тут заждались.

Стала разбирать по порядку. Чат с Софьей Геннадьевной — сухие распоряжения: подай то, сдай это. С Олесей Леонидовной — потеплее, наставления; там же, среди прочего, и число: родительское собрание 28-го, в десять утра, известить родителей. Родительский — вразнобой: Олеся Леонидовна уже написала туда, что куратор у ребят новый, Вера Михайловна, — а родители наперебой: «Здравствуйте, а когда собрание?», «Здрасте, а вы кто?» — кто с претензией, кто просто растерян. Вера собралась и написала: да, я ваш новый куратор — точнее, ваших детей; родительское собрание 28-го, в десять утра. Отправила — и чуть отпустило: будто вошла в холодную воду по колено и поняла — стоять можно.

А потом открыла последний чат — 209-й.

И вот теперь — тишина кабинета и этот чат перед глазами. Дочитала до середины — и отложила телефон, точно обожглась. Достала из сумки коробочку сока, глотнула — а во рту не убавилось ни сухости, ни горечи. Ого. Вот, значит, как оно тут — вживую, без монтажа. В кино к последнему кадру и в самом пропащем что-нибудь да теплилось — весь фильм за тем и шёл, чтобы доискаться. А тут сколько ни вчитывайся — не теплится.

Она отвела глаза, сердясь на себя за это движение. Будто это она сказала что-то стыдное. Хотелось уйти; ещё сильнее хотелось оказаться там, где минуту назад всё было радостно и ново, а этой мерзкой неловкости ещё не было.

Ещё утром ей казалось, что самое трудное — решиться и прийти. А теперь она сидела за своим столом и не знала, как заговорит с этими ребятами. Но ей всё ещё хотелось, чтобы получилось.

Вспомнилось, как впервые вставала на сап: тоже хотелось обратно, на берег. Вера выдохнула и снова взяла телефон, всё ещё чувствуя, как горят щёки.

Так и сидела Вера над этим чатом, оглушённая, — и тут в дверь заглянула незнакомая женщина: круглая, мягкая, в коротком пышном платье с воланами, в мелкий цветочек нежного зефирного тона, вся будто к чаю.

— Здравствуйте! Вы Вера Михайловна? — заговорила она сразу, тепло, без всяких церемоний. — Меня зовут Ирина Андреевна, я историю веду. Меня Софья Геннадьевна к вам послала — проводить в мастерские, с мастером познакомить. Я всё равно туда иду. Пойдёмте, пойдёмте, тут недалеко.

Пошли. Двор пересекали наискось; где-то за корпусом стрекотала косилка, тянуло срезанной травой. Возле свежевыкрашенной скамейки валялась картонка. Ирина остановилась, подняла её — «Окрашено» — и прислонила к ножке скамейки, надписью к дорожке.

И пошла дальше. По дороге Вера Ирину и разглядела, и кое-что про неё узнала. Ирина была тут давняя, своя: много лет работала в техникуме секретарём, знала здесь всех и всё. А в преподаватели попала не со стороны — понадобился историк, искать не стали, взяли из своих: переучилась, выправила диплом и села к строителям. Для всех своя, но перед доской всё равно новенькая — как и Вера. А рядом Вера — брюки и поло, коричневое к коричневому, прямая, сдержанная, тонкая, как деревянная указка возле кремового торта. Впрочем, подле этого кремового великолепия ей было на удивление спокойно — ровно до тех пор, пока они не поравнялись с длинным корпусом мастерских, где из первых распахнутых дверей пахнуло стружкой и машинным маслом.

Вера, ещё не отойдя от прочитанного, не удержалась: вот, добавили меня к 209-й, а там, кажется, ребята совсем берега попутали.

— А, 209-я! — Ирина только рукой махнула. — Да, есть за ними такое. У нас тут все матерком не брезгуют — иные потише, а эти во весь голос, не стесняясь.

Для Ирины брань была привычным фоном, на который она давно перестала обращать внимание. Веру же прочитанное в чате задело, и спокойствие Ирины только усиливало её растерянность.

— А чего они на меня-то взъелись? — спросила Вера. — Я им ещё и слова не сказала.

— А вы тут ни при чём, — сказала Ирина легко. — У них свой был куратор, чертёжник, целый год за ним как за каменной стеной. А к осени взял и ушёл: черчение в программе урезали, часов ему не осталось, вот его на завод и сманили, конструктором, на живые деньги. Кто же откажется. Держать не стали.

— И что?

— А то, что своего у них забрали, а чужую дали. Вот и колючие.

Сказала — легко, между делом — и остановилась у тяжёлой, обитой железом двери в самом конце корпуса; оттуда уже тянуло сухим, едким запахом окалины и жжёного металла. А Веру словно холодной водой окатило. Вот, значит, куда она попала: не к ним первой, а следом за кем-то, кого любили.

Первым желанием было сказать, что она ни у кого ничего не отнимала. Что сама узнала о группе только вчера, не просила чужого кабинета и чужой привязанности. Но оправдываться было не перед кем. 209-я ещё не стояла перед ней, а она уже мысленно защищалась.

И неприятнее всего было понять, как сильно ей хотелось им понравиться. Можно хорошо подготовиться к уроку, выучить фамилии, не опоздать, не растеряться. Нельзя подготовить людей к тому, чтобы они приняли тебя после того, кого потеряли.

Ирина открыла дверь, и они вошли в тесный кабинет мастера — Василия Петровича Гаврилова. Тут всё было на своих местах: парты, учебная доска на стене, шкаф; а в углу, за ним — закуток переодеться, и там на крючке одиноко висела тяжёлая брезентовая куртка. И класс, и бытовка разом.

Сам Гаврилов был немолод, сух и жилист — из тех, кого точит не возраст, а работа: невысокий, кряжистый, лицо дублёное, в резких морщинах, обветренное, красноватое, будто навсегда прихваченное жаром; усмехнётся — а во рту зубов недочёт. Учебный год ещё не начался, в мастерской было тихо и пусто, ничего не варили. Гаврилов сидел за столом в тёмно-синей рубашке и брюках, по-простому. Видно сразу — весь век при мастерских, при железе, и молодых учит ремеслу, без чего сварщику не выйти в люди.

Ирину мастер встретил тепло, по-свойски, как родную: своя, знакомая — сколько лет одному техникуму отданы. И пошутил, и обрадовался. А Ирина его к делу:

— Вот, Василий Петрович, это Вера Михайловна, новый куратор 209-й. Познакомиться к вам пришли.

Гаврилов перевёл глаза на Веру — и примолк. Оглядел её сверху донизу, не спеша, взглядом тяжёлым, приценивающимся, — каким старые мастера осматривают привезённый со склада сомнительный материал: пойдёт ли в дело. Задержался на новеньких чёрных лоферах, скользнул по тонкому коричневому поло, поднялся к лицу, к гладко забранному тёмному хвосту. Под этим взглядом вся её утренняя собранность вдруг рассыпалась — Вера почувствовала себя лишней, чужой, словно по ошибке зашла не в ту дверь. На лице мастера проступило глухое, тоскливое недоумение: девчонка. В свои 27 Вера казалась ему вчерашней студенткой.

— Ну… здравствуйте, Вера Михайловна, — сказал он наконец, негромко. И, уже не ей, в сторону: — Это чё. Прислали. Ну, спасибо, уважили.

И оглядел её ещё раз, будто всё не верил, что это к нему и всерьёз.

Вера стояла, прижав локти к бокам. Каждое его слово падало ровно, со стуком, как тяжёлая гайка на бетон. К щекам медленно прилил жар — не от стыда, а от глухой обиды: её ещё ни о чём не спросили, а уже забраковали.

Вера не ответила. Только перехватила ремень сумки, достала блокнот и раскрыла на чистой странице. Хотелось спросить, чем она успела ему не угодить, — хотя бы раз заставить посмотреть не на лоферы, а ей в глаза. Она прижала страницу ладонью. Не надо сейчас. Записала вверху: «Гаврилов Василий Петрович». Буквы вышли мельче обычного.

Они вышли из кабинета мастера. Ирина рядом щебетала — как славно, как хорошо приняли, — и не приметила вовсе, что приняли-то их врозь. А Вера приметила — и оттого шла по двору ещё прямее, чем обычно, словно проглотила ту самую деревянную указку.

Вера не знала, справится ли. Она чувствовала усталость в ногах, хотя день ещё не закончился.

А самих ребят она ещё не видела. Ни одного. Какие они, когда не пишут в общий чат, а разговаривают с человеком перед собой? Она всё ещё боялась этой встречи, но теперь ей хотелось, чтобы она скорее состоялась.

Вспомнился лермонтовский парус: «А он, мятежный, просит бури…» Вера покачала головой. Она-то просила всего лишь дать ей преподавать. Но, видимо, вместе с доской и мелом полагалась и буря.

Глава 2